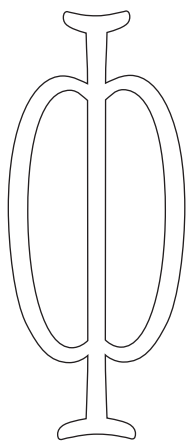

М. А. ХАТЯМОВА

ОРМЫ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
САМОРЕФЛЕКСИИ
В РУССКОЙ ПРОЗЕ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XX века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2008

ББК 83.3(2Рос=Рус)
X 25

Редакционный совет серии:

М. М. Гиришман (Донецкий ун-т, Украина), *М. Н. Дарвин* (РГГУ, Москва),
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),
Ю. Л. Троицкий (РГГУ, Москва), *В. И. Тюпа* (РГГУ, Москва),
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), *В. Шмид* (Гамбургский ун-т)

Хатямова М. А.

X 25   **Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века /** Науч. ред. В. А. Суханов. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 328 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).

ISBN 978-5-9551-0248-1

В монографии исследуется феномен «избыточной» литературности как один из основных способов сохранения самоидентичности литературы. Изучение литературоцентричной поэтики прозы русских писателей первой трети XX века Е. Замятина, Б. Зайцева, М. Осоргина, Н. Берберовой открывает семиотический механизм сохранения культуры и конкретизирует понимание исторически изменчивых вариантов саморефлексии русской прозы. Формы литературной саморефлексии, обнаруженные в литературоцентричной поэтике повествования и сюжета в творчестве эстетически разных писателей (метапроза Е. Замятина, М. Осоргина и Н. Берберовой, мифологический сюжет Б. Зайцева, М. Осоргина и Е. Замятина, культуро- и литературоцентричный сюжет в творчестве всех названных авторов), порождают сходство индивидуальных поэтик и позволяют рассматривать литературность как еще один (помимо традиционных — метода, стиля, жанра) закон искусства, основанный на антиэнтропийных принципах организации художественного мира и сохраняющий в литературоцентричных формах самоценность эстетической реальности от деструктивного воздействия социального хаоса.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована
картина В. Серова «Портрет А. Я. Симонович», 1889*

ISBN 978-5-9551-0248-1

© Хатямова М. А., 2008

© Языки славянской культуры, 2008

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Несобственно-художественные формы саморефлексии автора (Е. И. Замятин)	23
1.1. Проблема соотношения этического и эстетического в ранней публицистике Е. И. Замятина	26
1.2. «Техника художественной прозы»: концепция диалогического языка. Проблемы повествования	33
1.3. Теория неореализма Е. И. Замятина	51
1.4. Экзистенциальные и психоаналитические мотивы в публицистике Е. И. Замятина второй половины 1920—1930-х годов	59
Глава 2. Литературоцентричное повествование как способ мифологизации прозы: орнаментальный сказ, стилизация, персональное повествование (Е. И. Замятин)	71
2.1. Поэтика орнаментального сказа в ранней прозе Е. И. Замятина	77
2.2. Стилизация в прозе Е. И. Замятина 1910—20-х годов	115
2.3. Семантика персонального повествования в поздних новеллах Е. И. Замятина («Ела», 1928; «Наводнение», 1929)	142
Глава 3. Структура «текст о тексте» как вид литературной саморефлексии (Е. Замятин, М. Осоргин, Н. Берберова)	159
3.1. Метатекстовая структура романа Е. И. Замятина «Мы» (1920)	161
3.2. «Бич Божий»: логика повествования и концепция истории Е. И. Замятина	182

3.3 Метароман М. А. Осоргина «Вольный каменщик» (1935): «сюжет героя» и «сюжет автора»	204
3.4 Структура «текст в тексте» как способ сохранения культуры в повести Н. Н. Берберовой «Акомпаниаторша» (1934)	232
Глава 4. Аллюзивность как способ трансформации семантики канонического сюжета (Б. Зайцев)	251
4.1 Мифологический языческий код как принцип организации повествования и сюжета в ранних рассказах Б. К. Зайцева	257
4.2 Культуроцентризм «христианского» сюжета в зрелой прозе Б. К. Зайцева («Спокойствие», 1909; «Дальний край», 1912; «Золотой узор», 1925)	270
Заключение	305
Литература	309

Введение

Осознание современным литературоведением недостаточности традиционных подходов к осмыслению литературы (метод, жанр, стиль) побуждает искать новые пути, адекватные универсализму современного научного знания и позволяющие воссоздать в целостном виде принципы функционирования литературы в различные исторические эпохи. В последние десятилетия внимание исследователей все более привлекают «надсистемные» и «надструктурные» категории «художественного сознания» (В. В. Заманская, М. Л. Гаспаров, В. И. Тюпа), «художественного мышления» (В. И. Хрулев, З. Я. Холодова), «метасюжета» как «идеи времени» (Н. В. Барковская), метатекста. Одной из таких интегрирующих категорий, реализующихся в поэтике произведения, является *литературная саморефлексия*.

В отечественном литературоведении неоднократно отмечалось, что становление собственно художественной прозы (отделение ее от эпистолярной, критической, деловой и проч.), обретение ею собственного языка неразрывно связано с потребностью осознания себя, своей природы. По мнению исследователя литературы первой трети XIX века, русская проза этого периода одновременно желала быть и теорией прозы, в которой повествование представляет собой «сплав художественного изображения с демонстрацией творческих принципов», помещенных в саму ткань рассказов о тех или иных событиях и людях¹. Переходная эпоха XX века актуализировала литературную саморефлексию как один из основных способов сохранения ее идентичности, что определяет необхо-

---

¹ *Кривонос В. Ш.* «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. С. 3—4.

димось ее научного описания и исследования. Язык прозы — это, в первую очередь, повествование и сюжет, поэтому формы самосознания прозы прежде всего обнаруживаются в особой «литературоцентричности» сюжета и повествования, характерной именно для русской литературы, берущей на себя в новое время функции других форм общественного сознания, в том числе религии и философии.

Проблема литературной рефлексии разрабатывалась в исследованиях Д. М. Сегала, В. М. Петрова, В. И. Тюпы, Д. П. Бака, М. Н. Липовецкого, Н. С. Бройтмана, М. П. Абашевой, в коллективной монографии «Формы саморефлексии литературы XX века: метатекст и метатекстовые структуры»².

Д. М. Сегал, работам которого принадлежит приоритет в разработке рассматриваемой проблемы в прозе, писал в 1979 году: «В наших текстах самосознание литературы — это процесс не «внутрилитературный», а «внутритекстовый», он относится не к литературному процессу (быту, факту), а к миру, литературно творимому, становясь, таким образом, парадигмой *мифотворчества* (курсив автора. — М. Х.) в рамках текста»³. В другой работе 1981 года исследователь утверждает, что

---

² Сегал Д. М. Литература как вторичная моделирующая система. Литература как охранная грамота // Сегал Д. М. Литература как охранная грамота. М.: Водолей Publishers, 2006; Петров В. М. Рефлексия в истории художественной культуры. Ее роль и перспективы развития // Исследование проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983. С. 323; Тюпа В. И., Бак Д. П. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики. Кемерово: КемГУ, 1988. С. 4—15; Бак Д. П. История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении. Кемерово: КемГУ, 1992; Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997; Бройтман С. Н. Историческая поэтика. Учебн. пос. М.: РГГУ, 2001; Абашеева М. П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001; Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 6: Формы саморефлексии литературы XX века: метатекст и метатекстовые структуры / Ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

³ Сегал Д. М. Литература как вторичная моделирующая система. С. 13.

«литература представляет (...) своего рода симулирующее устройство — моделирование моделирования. Она «работает» двойным образом: во-первых, литература может выполнять функции моделирования первого порядка, создавая модель внетекстового мира и задавая программу поведения; во-вторых, литература рассматривает, описывает, оценивает самые различные варианты — действительные, потенциальные, мнимые, реальные и ирреальные — самого этого моделирования первого порядка»⁴.

Художественная саморефлексия обостряется в переходные моменты истории искусства, когда происходит массовая смена одних типов художественных структур другими. В. М. Петров отмечает, что «эти процессы в первую очередь имеют место в творчестве больших художников — новаторов, «первопроходцев», открывающих новый этап в развитии искусства»⁵. В качестве репрезентативных фигур приводятся имена Сервантеса, Стерна, Пушкина, уделявших значительное внимание рефлексии — отражению литературной ситуации и изображению непосредственного процесса написания произведения в самом же произведении⁶.

Проблема литературной рефлексии в теоретическом и историческом аспектах была поставлена в работах В. И. Тюпы и Д. П. Бака «Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики» и Д. П. Бака «История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении»⁷. В первом исследовании выделены исторические формы литературной рефлексии: традициональная («риторическая рефлексия» в литературе до XIX века) и антитрадициональная («творческая рефлексия» в литературе XIX—XX веков, соответственно классическая и неклассическая)⁸. Д. П. Бак отметил, что «идея самосознания

---

⁴ *Сегал Д. М.* Литература как охранная грамота. С. 4.

⁵ *Петров В. М.* Рефлексия в истории художественной культуры. Ее роль и перспективы развития. С. 323.

⁶ Там же.

⁷ *Тюпа В. И., Бак Д. П.* Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики. С. 4—15; *Бак Д. П.* История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении. Кемерово: КемГУ, 1992.

⁸ *Тюпа В. И., Бак Д. П.* Указ. соч. С. 6—8.

литературного творчества — ключевая для формирования исторической поэтики»; «усиление рефлексивности литературного развития происходит на фоне «угасания традиционности»⁹. Если в начальный период своего функционирования творческая рефлексия была направлена «на смену риторических канонов, — знаменовала поворот произведения искусства к построению саморазвивающейся реальности», то позднее она стала означать «свободу складывания антитрадиционального произведения», «которая оказалась замкнутой на самой себе»: в терминах М. М. Бахтина можно было бы сказать, что непомерно разросшееся «событие рассказывания» перечеркнуло, поглотило «рассказываемое событие»¹⁰. Д. П. Бак выделил две типологические формы бытования литературной рефлексии. Первая идет от повествователя, «сверху»; вторая — от персонажа, «снизу» (вставной текст): «Авторскую «рефлексию сверху» можно было бы определить как рефлексию текста; «рефлексию снизу» — как самосознание действительности»¹¹.

Теоретическую ценность представляет выработанное Д. П. Баком понятие «рефлексивного произведения». Исследователь подчеркивает, что оно не сводится к формально-риторической модели «романа в романе», «текста в тексте». Рефлексивное произведение — это «особый тип авторства, возникающий в случае непосредственного вхождения литературных задач в жизненную проблемность»; оно не может быть «готовым», известным заранее либо созданным «в стороне» от непосредственной проблематики произведения «объемлющего», а «должно складываться на наших глазах, так или иначе исследовать само себя и тем самым прямо влиять на постепенное формирование произведения внешнего»¹². Вслед за Бахтиным такой тип «кризиса авторства», связанный с персонажем-писателем, создающим нечто альтернативное данному произведению, Бак считает «продолжением романтического варианта кризиса». Другим, развивающим «реалистический» тип «кризиса авторства», является случай, когда «рефлексия

---

⁹ Бак Д. П. Указ. соч. С. 4, 10.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 23.

персонажа, его творческая самореализация не связана с искусством, когда персонаж напрямую бросает вызов авторскому завершению; стремится жизненным поступком отменить эстетическую деятельность, направленную на него извне»¹³. Именно такая, более скрытая, форма литературной рефлексии становится предметом анализа в работе Д. П. Бака, осуществленного на материале русской и зарубежной прозы и драмы (Б. Пастернак, А. Мердок, Н. Саррот, Л. Пиранделло и др.).

Литературная рефлексия рассматривается Д. П. Баком в качестве «возможности литературной традиции нового типа», «общего знаменателя всех так называемых «формальных поисков» в литературе XX века», нарушающих былую трансгрессию эстетической деятельности событийному миру и изображающих «само событие перехода жизни в слово»¹⁴.

В «Исторической поэтике» С. Н. Бройтмана¹⁵ становление языка литературы рассматривается в границах «большого времени» и «большого диалога» (М. Бахтин). Выделяя три стадии в развитии эстетического объекта — «поэтику синкретизма», «эйдетическую поэтику» и «поэтику художественной модальности», — автор фиксирует возникновение и развитие форм литературного самосознания от риторической эпохи к неклассической. «Роман романа» (Сервантес, Стерн, Пушкин, Пруст и др.) не исчерпывает, по Бройтману, этих форм. В этой связи продуктивным становится сравнение скрытой и явной рефлексивности в прозе Джойса и Пруста: «... “Улисс”, как и “В поисках утраченного времени”, не только роман героев, но и роман романа, хотя эта “метароманность” приняла у Джойса иную форму, чем у Пруста. У Пруста (...) изображение сопровождается анализом самой возможности автора что-то излагать. У Джойса специальный словесный анализ такой возможности отсутствует: он не пишет о том, как он пишет роман, не рассуждает прямо о своей авторской позиции. Он поступает иначе: вместо того чтобы давать отдельно форму и отдельно размышления о ней, он вводит рефлексия внутри

---

¹³ Там же. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 72, 73, 74.

¹⁵ *Бройтман С. Н. Историческая поэтика. Учебн. пос. М.: РГГУ, 2001.*

самой формы. Поэтому форма у Джойса становится не только сотворенной, но и рефлексивной над самой собой, вторично разыгранной, а значит, оказывается чем-то большим, чем просто форма...»¹⁶.

Проблема литературного самосознания — основная и в книге М. П. Абашевой «Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности)»¹⁷. Несмотря на то, что автора интересует специфика художественного сознания современных прозаиков как проблема персональной идентичности¹⁸, М. П. Абашева интерпретирует именно повествовательные практики, в которых эксплицируются законы этого сознания: метатексты, «текст как поведение и поведение как текст» в мемуаристике, устные автобиографии писателей. В работе М. П. Абашевой самосознание прозы, проявленное в художественных дискурсивных практиках, предстает как проблема философская, психологическая и историко-литературная, интегрирующая на определенном историческом этапе «многие аспекты литературного развития».

Исследование различных аспектов рассматриваемой проблемы осуществляется в коллективном сборнике «Формы саморефлексии литературы XX века: метатексты и метатекстовые структуры»¹⁹. Как показывают конкретные работы, литератур-

---

¹⁶ Бройтман С. Н. Указ. соч. С. 305.

¹⁷ Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001.

¹⁸ «...Персональная идентичность автора — это прежде всего индивидуальные текстуальные стратегии авторства, исторически и социально стимулированные. Термин “идентичность”, в отличие от более привычных в литературоведческом обиходе “самосознания”, “самоопределения” и т. п., фиксирует заостренно-отрефлексированные и символически-маркированные моменты авторского самосознания в поисках самотождественности, его “кристаллизацию”» (Абашева М. П. Указ. соч. С. 10).

¹⁹ Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 6: Формы саморефлексии литературы XX века: метатексты и метатекстовые структуры / Ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.

ная рефлексия становится механизмом жанрово-родовых трансформаций, воплощает концепцию творчества в архитектонике самого произведения, в творческом диалоге с другой культурой, художественной системой и типом дискурса.

Повышенный интерес современного литературоведения к проблеме литературной рефлексии осуществляется в основном на материале вершин мировой литературы — признанных «метатекстов» русской и зарубежной литературы второй половины XX века, рубежа XX—XXI веков²⁰, что вполне объяснимо: формы рефлексивности в современной литературе достигли апогея своего развития. Менее изученным, носящим точечный характер (в границах индивидуальных поэтик О. Мандельштама, В. Набокова, М. Булгакова, К. Вагинова) остается формирование новой рефлексивности в начале XX века, отмеченного в русской литературе не только сменой художественных парадигм (реализм — модернизм — авангард), но и расколом на культуру метрополии и диаспоры. Параллельность кризисных эпох рубежа XIX—XX и XX—XXI веков обуславливает закономерность постановки проблемы саморефлексии и в русской прозе начала XX века. Исследователи неоднократно отмечали, что в эпохи социально-исторических сломов и потрясений в культуре и литературе как семиотических системах «включаются» и вырабатываются механизмы самосохранения, основанные на принципах переключения с референции как указания на реальность на автореференцию как указание на самих себя с одновременной актуализацией интенции к автономному существованию от внетекстовой реальности. Рефлексивность (и использующиеся в исследовательской литературе синонимы, восходящие к термину Р. Якобсона «литературность»²¹, — «литературоцентричность»,

---

²⁰ Отметим и одно из последних исследований: *Гулиус Н. С.* Прием мистификации как поэтика текстопрождения в русской прозе 1980—1990-х годов (А. Битов, М. Харитонов, Ю. Буйда). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.

²¹ «...Предметом науки о литературе является не литература, а литературность, т. е. то, что делает данное произведение литературным произведением (...) Если наука о литературе хочет стать наукой, она принуждается признать «прием» своим единственным «героем». Далее основной вопрос — вопрос о применении,

«металитературность») выражается как в «подключении» к уже существующим в культуре формам, моделям и типам, так и в переосмыслении, «переосвоении» уже известных приемов, сюжетов, литературных схем. Оба процесса сопровождаются намеренным «обнажением приема» — демонстрацией независимости и самодостаточности художественной реальности, существующей по своим собственным законам.

Проблема саморефлексии в литературе XX века впервые была поставлена представителями московско-тартуской школы, исследующими поэзию символизма и акмеизма и структуру «текст в тексте»²². Панэстетический неомифологизм символистов и центонная поэтика акмеистов были осмыслены как формы самосознания литературы. Р. Д. Тименчик, например, писал, что ориентация языка акмеизма на ранее существующие тексты «вызвана установкой текста на самопознание, поисками мотивировки его права на существование ⟨...⟩, рефлексией над собственными генератическими... и типологическими параметрами ⟨...⟩ Текст у акмеистов есть одновременно повествование о событиях и повествование о повествовании в сопоставлении с другими текстами, т. е. сбалансированное соотношение собственно текстового, метатекстового и “цитатного” аспектов»²³. Поиск новой литературности, основанный на

оправдании приема» (*Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия // *Якобсон Р.* Работы по поэтике: Переводы. М.: Прогресс, 1987. С. 275).

²² *Миц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1979. Вып. 459; *Она же.* Поэтика Александра Блока. СПб., 1999; *Смирнов И. П.* Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста // Миф — фольклор — литература. Л., 1978; *Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / *Russian Literature.* 1974 // *Сегал Д. М.* Литература как охранная грамота. С. 181—212; *Тименчик Р. Д.* Текст в тексте у акмеистов // Труды по знаковым системам XIV. Текст в тексте. Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 567. Тарту, 1981. С. 65—75; *Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Труды по знаковым системам XIV. Текст в тексте. Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 567. Тарту, 1981. С. 3—18 и др.

²³ *Тименчик Р. Д.* Указ. соч. С. 65—66.

разрыве с предшествующей традицией, был выявлен и в поэтическом авангарде (футуризме): продуцирование «самовитого слова вне быта и жизненных польз» (В. Хлебников) и поэтики «зауми» как «установки на спонтанность и непредсказуемость формы-действия»²⁴. Параллельные процессы усиления литературности, сигнализирующие о нарастании литературной саморефлексии, происходили и в прозе начала века.

Появление в литературе Серебряного века «избыточно литературных» поэтик А. Белого, А. Ремизова, Ф. Сологуба, В. Брюсова, Е. Замятина, развивающих гоголевско-лесковскую линию русской прозы, совершенно справедливо объясняется возникновением модернистской системы творчества, однако этой причиной не исчерпывается, так как захватывает и другие эстетические феномены, в частности, реалистические. Показательным явлением для прозы начала XX века является феномен «неореализма», который, с подачи критики 1910-х годов и теории Е. Замятина начала 1920-х, квалифицировался как промежуточный между реализмом и модернизмом. Однако непрекращающиеся дискуссии по поводу эстетической природы неореализма свидетельствуют о том, что на путях метода проблема вряд ли может быть решена; неореализм — это некое «надсистемное» образование, возникшее на основе общности поэтик эстетически разных художников — модернистов, реалистов и писателей «переходного» типа между реализмом и модернизмом (Л. Андреев, А. Ремизов, Е. Замятин, Б. Зайцев, М. Осоргин, С. Сергеев-Ценский, И. Шмелев и др.)²⁵, которые использовали литературоцентричные формы символизации, лейтмотивизации, мифологизации повествования и архетипизации сюжета, ритмизации прозы, проч-

---

²⁴ *Тыртышкина Е. В.* Русская литература 1890 — начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск, 2002. С. 97.

²⁵ Обоснование неореализма как искусства «промежуточной эстетической природы» (В. А. Келдыш), преобразованного в XX веке реализма (Л. В. Полякова, Н. Н. Комлик) или только модернизма (Т. Т. Давыдова) обусловлено представлениями о дискуссионности модернизма, что реализуется в соответственной интерпретации «материала» (например, творчества Л. Андреева, А. Ремизова, Е. Замятина) и как реалистического, и как модернистского, и «переходного» между ними.